

Т е м а н о м е р а Немонетарные неравенства в жизни россиян

Ф а к т о р ы ж и з н е н н о г о успеха и социального статуса в сознании россиян

Тихонова Наталья Евгеньевна –

доктор социологических наук, профессор,
профессор-исследователь, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики»; главный научный сотрудник, Институт
социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: ntihonova@hse.ru

Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536

Аннотация. В статье показано, что за последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство населения перестало считать себя социальными аутсайдерами, а само российское общество стало обществом с безусловным доминированием субъективного среднего класса, причём преимущественно нижнего среднего. Однако этот позитивный сдвиг не означает полной удовлетворённости россиян сложившейся ситуацией в области стратификации, поскольку их реальный статус в статусной иерархии сейчас существенно отличается не только от желаемого, но и от тех статусных позиций, которые они, по их мнению, должны были бы занимать в этой иерархии «по справедливости». Неудовлетворённость россиян связана с тем, что возможность достичь успеха и благополучия в жизни они связывают в значительной степени с социальным, экономическим и культурным капиталом родительской семьи, а также с разного рода неправовыми практиками (взятки, неразборчивость в средствах и т. д.), а не только с упорным трудом и собственным хорошим образованием. Эти представления устойчивы во времени и отчасти напоминают представления населения Германии. Однако для россиян гораздо бóльшую роль в достижении успеха играют разного рода неправовые практики, прежде всего взятки. Кроме того, в России относительно меньшую (и убывающую с годами) роль играют образование родителей, собственное хорошее образование, упорный труд и честолюбивые стремления человека. Это означает, что россияне с годами всё чаще считают, что в российском обществе личные усилия и стремления человека не являются ключевыми для достижения жизненного успеха и высоких статусных позиций. Статистическая проверка свидетельствует об объективной обоснованности этих взглядов, поскольку, согласно ей, в современной России происходит всё бóльшее закрытие верхних слоёв населения и началось закрытие нижних слоёв. Высокие показатели самовоспроизводства полярных статусных групп в массовых слоях населения и растущая поляризация населения, и прежде всего молодёжи, – опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, ведущие к делегитимизации власти и утрате мотивированности россиян в стремлении достичь успеха собственными усилиями.

Ключевые слова: социальная структура, субъективная стратификация, статус, статусная иерархия, неравенства, общественное сознание, общественное мнение

Степень успешности и благополучия людей, если рассматривать эти факторы через призму теоретической социологии в целом и проблематики социальной стратификации в частности, являются яркими индикаторами места человека в стратификационной иерархии, отражая специфику занимаемой людьми статусной позиции. В этом плане представления о том, что определяет успех и благополучие в жизни, можно рассматривать как отражение объективных факторов стратификации в общественном сознании. Конечно, субъективное отражение этих факторов не тождественно объективным детерминантам статусных позиций индивидов в социальной иерархии конкретного общества. Однако оно тесно связано с ними, и многое говорит и о самих факторах стратификации, и об умонастроениях населения, и даже о перспективах социальной стабильности в соответствующем обществе.

В этом контексте тем более важно, что, хотя проблема факторов стратификации – одна из «вечных» проблем социологии, которой посвящено множество трудов (от М. Вебера и П. Сорокина до классиков современной социологии [Бурдье 1993; Kohn, Schooler 1983, 1990; Giddens 1984 и др.], в том числе и отечественных социологов [Богомолова, Тапилина 1997; Косова 2014; Тихонова 1999, 2014а, 2014b; Черныш 2013; Шкаратан 2009 и др.]), до сих пор не вполне понятно, в чём заключается специфика современной России в этом отношении. Не ясно и то, в каком направлении движется российское общество – в сторону всё большей выраженности в нём меритократических начал или же всё большей закрытости различных слоёв общества и их фактического самовоспроизводства, в том числе и в восприятии самих россиян. Под вопросом и соотношение факторов, предопределяющих в глазах населения нашей страны достижение определённых статусных позиций. Более того, учитывая динамичный характер трансформации российского общества в последние 30 лет, а также существенные отличия нынешней ситуации от ситуации 1990-х, 2000-х и даже начала 2010-х гг., проблематично и то, насколько могут быть распространены на современную Россию выводы, полученные исследователями факторов стратификации и социальной мобильности в предшествующие периоды новейшей истории нашей страны.

Конечно, рассмотреть весь круг вопросов, относящихся к проблематике факторов стратификации и их отражения в массовом сознании, в рамках одной статьи заведомо невозможно. Эта задача тем более сложна и объёмна, поскольку, чтобы занять относительно высокое место в стратификационной иерархии, надо, как правило, стремиться это сделать. Следовательно, анализ и реальных факторов стратификации, и представлений людей об этих факторах предполагает учёт их мотивационной сферы, жизненных устремлений

и притязаний. Статусные же притязания, в свою очередь, как и жизненные устремления в целом, зависят от разных факторов: дохода человека и динамики этого дохода; возможностей улучшить свою личную ситуацию (т. н. «туннельный эффект» Хиршмана [Hirschman 1973]); соотношения человеком своих достижений с представлениями о «стандартном», нормальном образе жизни в данной стране (и даже в других странах, если они рассматриваются как референтные) и т. д. [Alesina, Giuliano 2011; Venabou, Ok 2001; Corneo, Gruner 2002; Kenworthy, McCall 2008; Гудков 1999; Тихонова 1999; Тихонова 2014а и др.]. Причём, в каждом обществе, слое и даже у разных индивидов в этих слоях роль данных факторов различна.

Поэтому здесь мы рассмотрим только часть вопросов, заслуживающих внимания исследователей в данном контексте. Это характер статусных притязаний россиян, их представления о факторах успеха и благополучия в современном российском обществе, а также динамика этих представлений и их специфика в сравнении с представлениями о факторах успеха у населения развитых стран на примере Германии. Кроме того, мы проведём проверку полученных выводов, оценив с помощью статистических методов связь между местом человека в субъективной стратификационной иерархии и различными объективными характеристиками респондентов.

Эмпирической базой нашего анализа выступили базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»¹, созданные при финансовой поддержке РФФИ, а также результаты ряда других общероссийских исследований Института социологии, Института комплексных социальных исследований РАН и мониторинга Российского независимого института социальных и национальных проблем. Все эти исследования проводились одной и той же рабочей группой (рук. – М. К. Горшков) с однотипной моделью выборки², а полевую их часть во всех случаях осуществлял Центр социального прогнозирования (рук. – Ф. Э. Шереги), за исключением данных 8-ой волны мониторинга ФНИСЦ РАН, ставших основой анализа. На каждое из исследований, данные которых приводятся в тексте, по ходу изложения даются специальные ссылки, как и на

¹ Подробнее о модели выборки данного исследования см.: [Российское... 2017].

² Выборочная совокупность во всех исследованиях репрезентировала взрослое население страны по региону проживания (территориально-экономическим районам, согласно районированию Росстата), а внутри них – по типу поселения, полу и возрасту. Численность выборки составляла в разные годы от 1600 до 3000 человек в возрасте от 18 лет и старше.

международное сравнительное исследование ISSP–2009¹, данные которого автор получила в Едином архиве экономических и социологических данных НИУ ВШЭ, за что благодарит его директора Л. Б. Косову.

Статусные притязания россиян и их динамика

Для измерения субъективного социального статуса конкретного индивида обычно используют графические или вербальные тесты. И те, и другие насчитывают массу вариаций, но наиболее распространены графическая 9-ти или 10-ступенчатая шкалы социальных статусов («лестница социальных статусов» или «социальная лестница») и вербальные тесты на самоидентификацию с 5–6-ю слоями (или классами). Наиболее информативным и свободным от семантических ассоциаций среди тестов на самоидентификацию является десятибалльная вертикальная шкала, на которой респонденту надо отметить в анкете своё место в обществе. Тот факт, что данная шкала, широко используемая в международных сравнительных исследованиях, начала применяться в нашей стране с 1992 г., позволяет проводить как динамический, так и кросс-национальный анализ её особенностей в современной России. Именно эта шкала была использована нами при анализе самооценок россиянами своего статуса (положения) в обществе. И хотя, на первый взгляд, таким образом замеряется лишь субъективный статус человека, однако, как показывают сравнения этих самооценок с реальным местом индивида в построенных по разным основаниям стратификационных иерархиях, этот показатель был [Тихонова 2007] и остаётся (см. таблицу 1) довольно тесно связан с объективными характеристиками, отражающими место человека в обществе.

Если с учётом места индивида в выделенных по разным основаниям статусных иерархиях (доходной, квалификационной, профессионально-должностной) построить многомерный индекс, то связь объективных характеристик индивида с его субъективной статусной самоидентификацией прослеживается ещё жёстче. Таким образом, субъективные самооценки россиянами своего места в обществе имеют отчётливо видимые объективные основания.

¹ International Social Survey Programme (ISSP) – ежегодная международная программа исследований, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования меняется, но раз в 8–10 лет в рамках этой программы проводятся опросы, посвящённые проблематике социальной структуры и социальных неравенств (подробнее см.: <http://www.issp.org>). Нами использовались данные волны ISSP–2009/2010 – последней из проведённых по этой тематике, данные которой доступны.

Таблица 1

Некоторые характеристики групп,
различающихся субъективным статусом их представителей, 2018 г., %

Характеристики	Позиции на 10-балльной вертикальной шкале социального статуса						
	1-4 ступени	5 ступень	6 ступень	7 ступень	8 ступень	9-10 ступени	Население в целом
Профессиональный статус*							
Руководители, предприниматели и самозанятые	23,2	11,8	11,6	9,0	10,4	7,3	13,1
Профессионалы	31,3	30,3	21,7	16,6	17,1	19,0	24,5
Работники рутинного нефизического труда	20,1	27,1	27,6	30,5	34,4	26,3	27,2
Работники физического труда (рабочие)	25,4	30,9	39,0	43,8	38,1	47,4	35,2
Образовательный статус*							
Высшее	49,4	41,5	30,9	24,9	26,0	26,3	35,7
Среднее специальное и незаконченное высшее	42,4	45,7	56,9	57,4	57,2	51,1	50,8
Не выше общего среднего	8,2	12,8	12,3	17,7	16,7	22,6	13,6
Экономический статус**							
Высокодоходные (с доходами свыше 2-х медиан)	15,8	10,1	8,1	6,2	2,1	2,2	8,6
Среднедоходные (с доходами от 1,25 до 2-х медиан)	29,6	32,7	29,3	26,9	21,4	11,5	27,9
Медианная группа (с доходами от 0,75 до 1,25 медианы)	29,5	34,0	36,8	38,2	38,1	37,6	35,2
Низкодоходные (с доходами не выше 0,75 медианы)	25,2	23,3	25,8	28,6	38,4	48,7	28,3

Примечание. Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по населению более чем на величину статистической погрешности (2–3%).

*Данные приведены от работающих.

**Для измерения экономического статуса нами был избран так называемый относительный подход, позволяющий ориентироваться на место человека в локальном сообществе по отношению к существующей в нём норме с учётом специфики образа жизни в разных типах российских поселений. Технически это означало соотнесение среднедушевых доходов в домохозяйствах респондентов с медианным доходом в соответствующем типе поселений (Москва и Санкт-Петербург; центры субъектов РФ; райцентры; посёлки городского типа; сёла). Полученная с помощью такого метода модель доходной стратификации попадающих в репрезентативные опросы массовых слоёв населения страны очень похожа на построенную на основе использования страновой или региональной медианы, но несколько увеличивает долю среднедоходных слоёв [Модель... 2018].

Второй важный фактор, который влияет на самооценки людей своего места в обществе, имеет не экономическую, а социально-психологическую природу. Это уровень соци-

альных притязаний. Он тем более важен при анализе ситуации в нашей стране, поскольку россияне характеризуются довольно высоким уровнем этих притязаний. Более того – как свидетельствуют эмпирические данные, запросы населения России в области желаемых статусных позиций не просто высоки, но и заведомо нереальны, ибо нет в мире общества, где в верхней трети иерархии статусных позиций было бы сосредоточено около половины его членов (см. рис. 1).

Чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше разрыв между его самооценками своего места на «социальной лестнице» и той её «ступенью», на которой он хотел бы находиться.

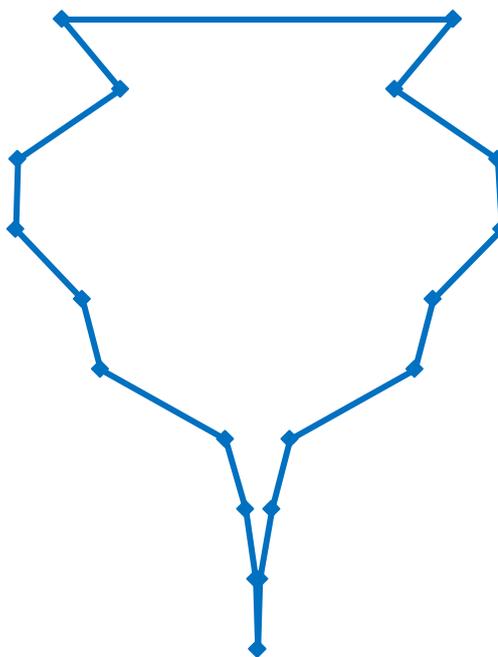

Рис. 1. Модель¹ субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые они хотели бы занимать, 2014 г., %²

Чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше разрыв между его самооценками своего места на «социальной лестнице» и той её «ступенью», на которой он хотел бы находиться. Так, у представителей «социального дна» (1–2 ступени снизу) свыше половины хотели бы находиться на четыре и более ступени выше, и лишь 5,8% готовы оставаться на своём месте или подняться лишь на одну ступень. В то же время именно такая дистанция мобильности является наиболее веро-

¹ Модель строилась следующим образом: по оси ординат (поскольку статусные позиции вертикально ориентированы) откладывались процентные значения числа выбравших соответствующий балл на десятибалльной вертикальной шкале социального статуса, а затем, для придания фигуре симметрии, они зеркально откладывались в область отрицательных значений. Нижней позиции соответствовали 10 баллов, а верхней – 1 балл. Строго говоря, для сохранения пропорций модель должна была быть после этого «ужата» по оси абсцисс вдвое, но для облегчения восприятия её специфики эта операция нами не проводилась.

² Использованы данные общероссийского исследования Института социологии РАН «Средний класс в современной России» (февраль 2014 г., N=1600; подробнее см. о нём: [Средний... 2016]). Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 16,3%; 2 – 11,5%; 3 – 20,0%; 4 – 20,3%; 5 – 14,7%; 6 – 13,2%; 7 – 2,7%; 8 – 1,1%; 9 – 0,2%; 10 (нижняя статусная позиция) – 0%.

ятной для продвижения вверх в современной России. Во всяком случае, по самооценкам самих россиян, за последние 10 лет три четверти из них либо сохранили свой субъективный статус, либо их перемещение по «социальной лестнице» не превышало одной ступени. У тех, кто находится на третьей снизу ступени, доля готовых удовлетвориться своим нынешним статусом почти в полтора раза выше, но также очень мала (8,4%), и ещё для 7,3% достаточно подняться лишь на одну ступеньку. Зато не менее чем на 4 ступени среди них хотели бы подняться по «социальной лестнице» свыше 40% этой группы. Схожие тенденции наблюдаются и у тех, кто поставил себя на 4-ю снизу ступень «социальной лестницы», только «перескочить» на ней через четыре и более ступеней хотели бы заметно реже – в трети случаев. Кроме того, во всех группах россиян очень популярным является желание подняться на 2–3 ступени «социальной лестницы» – даже у тех, кто находится на 7–8-ой её ступенях, оно характеризует более 50% соответствующих групп.

При этом характер социальных притязаний россиян исключительно устойчив. Во всяком случае, в 2003 г. при совсем ином, нежели в середине 2010-х гг., уровне жизни населения и состоянии российского общества в целом, построенная на основе представлений о желаемом социальном статусе модель субъективной стратификации выглядела практически так же (см. рис. 2).

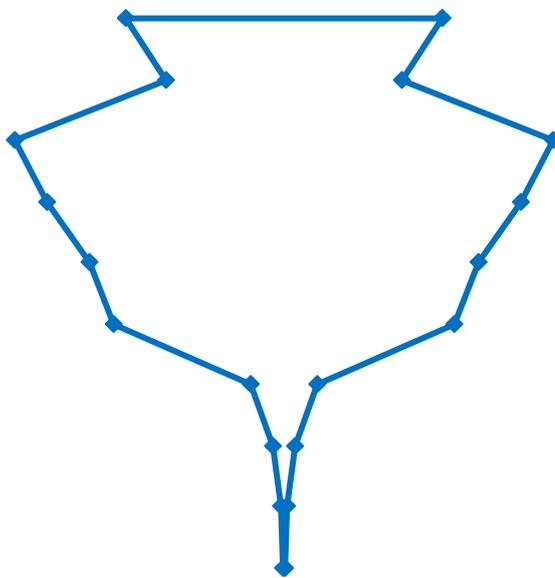

Рис. 2. Модель субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые они хотели бы занимать, 2003 г., %¹

¹ Использованы данные общероссийского исследования Института комплексных социальных исследований РАН «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., N=2106; подробнее см.: [Россия... 2004]). Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 13,2%; 2 – 9,9%; 3 – 22,5%; 4 – 19,8%; 5 – 16,3%; 6 – 14,3%; 7 – 2,8%; 8 – 0,9%; 9 – 0,2%; 10 (нижняя статусная позиция) – 0,1%.

Впрочем, желаемый социальный статус – это далеко не то же самое, что тот статус, на который человек реально претендует и отсутствие которого он воспринимает обычно очень болезненно. В этой связи особый интерес представляют данные о том, какими видят россияне те статусные позиции, которые они должны были бы занимать «по справедливости», с учётом реальных их достоинств и особенностей деятельности. Как свидетельствуют данные, модель, построенная на основе этих представлений (см. рис. 3), значительно отличается от модели, построенной на основании просто пожеланий по поводу своего статуса, а запросы россиян, если говорить о том месте в обществе, которое положено им «по справедливости», сложно назвать чрезмерными. Во всяком случае, большинство населения страны отнюдь не считает для себя справедливым место в «верхушке» стратификационной иерархии. Наоборот – среди россиян чётко выражено убеждение, что «по справедливости» они должны относиться к «срединным слоям», но скорее к их верхней части, чем к нижней. При этом если, используя данные показатели, построить модель социальной структуры, которая должна была бы существовать в этом случае в современной России, то она будет разновидностью модели «общества массового среднего класса» с довольно многочисленным представительством верхнего среднего класса, сравнительно малочисленным нижним средним классом и почти полностью отсутствующими «социальными низами» (см. рис. 3).

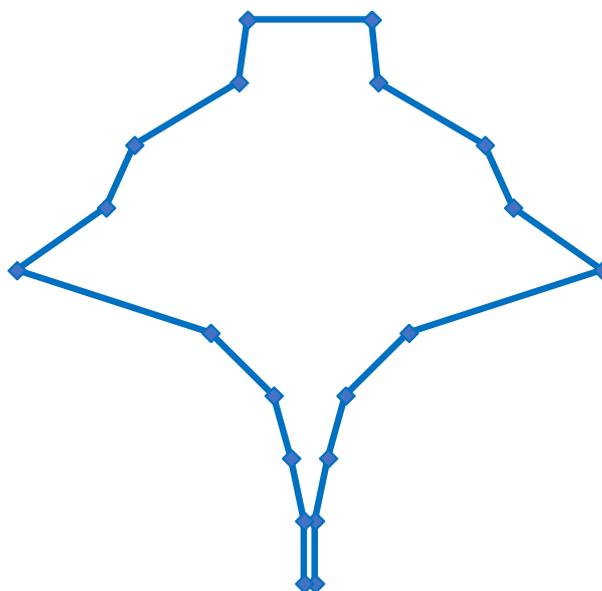

Рис. 3. Модель субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые они должны были бы занимать «по справедливости», 2018 г., %¹

Такая модель уже не является, в отличие от модели, построенной на основе желаемого статуса, нереалистичной. Наоборот – она похожа на модели субъективной стратифика-

¹ Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 6,5%; 2 – 7,2%; 3 – 18,1%; 4 – 21,0%; 5 – 30,4%; 6 – 10,3%; 7 – 3,7%; 8 – 1,9%; 9 – 0,5%; 10 (нижняя статусная позиция) – 0,5%.

ции некоторых реально существующих обществ, например, Западных земель Германии (см. рис. 4). Главным отличием российской модели субъективной стратификации, построенной по представлениям россиян об их справедливом месте в обществе, от модели субъективной стратификации в Западных землях Германии, построенной на основе своего статуса в обществе их населением, выступает лишь довольно массовый запрос россиян на пребывание на двух верхних позициях статусной иерархии – его предъявляет около 15% российского населения.

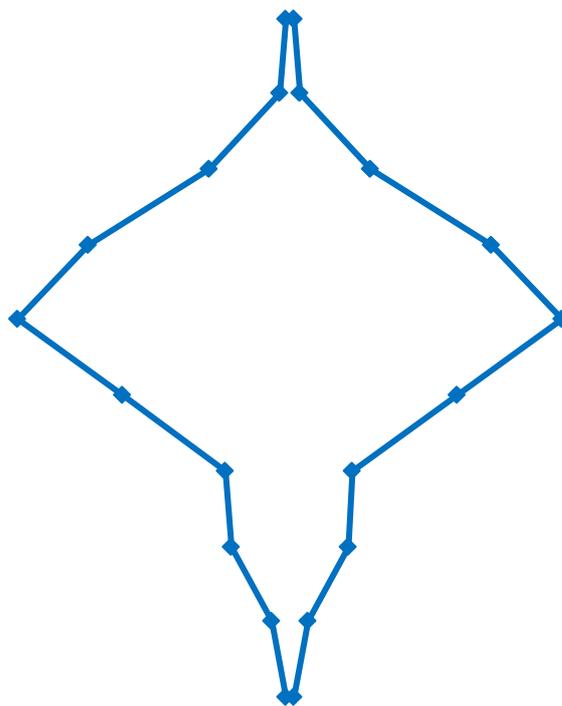

Рис. 4. Модель субъективной стратификации Западных земель Германии, ISSP-2009¹

Если же говорить о факторах, определяющих представления респондентов о справедливом лично для них социальном статусе, то это (в порядке убывания статистической значимости²): самооценки своего социального статуса и статуса своих родителей; наличие достижительных мотиваций (желание хорошо зарабатывать, иметь престижную и интересную работу, хорошее образование, сделать карьеру и т. п.); качество человеческого капитала (число лет обучения, навыки работы в цифровой среде, уровень полученного образования); культурный капитал (образование родителей, прежде всего отца); профессиональный статус и т. д. При этом молодёжь имеет несколько более высокие запросы в этой области, чем остальные россияне, а старшие поколения характеризуются более низкими, чем в среднем по населению, запросами (см. таблицу 2).

¹ Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Западной Германии: 1 (высшая) позиция – 0,4%; 2 позиция – 1,2%; 3 – 9,2%; 4 – 22,8%; 5 – 30,9%; 6 – 19,0%; 7 – 7,2%; 8 – 6,6%; 9 – 2,1%; 10 (низшая) позиция – 0,5%.

² Рассчитано с использованием метода Tree Select, являющегося одной из разновидностей линейных регрессий, в подпрограмме Chaid программы SPSS.

Таблица 2

Статусная позиция на «лестнице социальных статусов»,
на которой считают для себя справедливым находиться представители
разных возрастных когорт, 2018 г., % *

Статусная позиция (ступени)	Возраст, лет					По массиву в целом
	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60	
Верхняя	7,2	7,3	7,7	5,8	3,6	6,5
2	9,1	7,7	6,1	6,7	5,8	7,2
3	20,4	20,3	16,6	15,8	15,6	18,1
4	23,3	20,3	23,8	19,9	16,5	21,0
5	26,9	30,5	30,4	35,1	31,1	30,3
6	7,9	8,9	10,5	11,6	14,0	10,3
7	2,8	3,0	2,8	2,3	7,7	3,7
8	1,3	1,5	1,5	1,6	3,9	1,9
9	0,8	0,4	0,2	0,7	0,3	0,5
Нижняя	0,3	0,1	0,4	0,5	1,5	0,5

*Задание в анкете звучало следующим образом: «Отметьте, пожалуйста, на шкале ниже то место, которое положено Вам в этой вертикальной иерархии по справедливости». Фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых больше показателей по населению в целом не менее чем на 2%.

Рассмотрим соотношение притязаний россиян с их восприятием своего реального статуса в обществе (см. рис. 5).

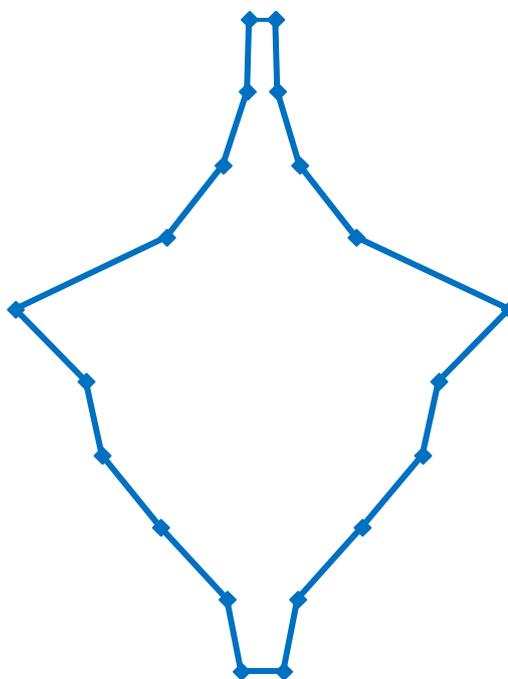

Рис. 5. Модель субъективной стратификации массовых слоёв
российского общества, построенная на основе самооценок россиянами
своего статуса, 2018 г., %¹

¹ Численные значения, использовавшиеся для построения модели:
1 (верхняя статусная позиция) – 1,5%; 2 позиция – 1,7%; 3 – 4,2%; 4 – 10,5%;
5 – 27,4%; 6 – 19,5%; 7 – 17,8%; 8 – 11,2%; 9 – 3,9%; 10 (нижняя статусная
позиция) – 2,4%.

Как свидетельствуют эмпирические данные, реальная модель субъективной стратификации современного российского общества принципиально отличается от той, которая была описана выше на основе анализа желаемых статусных позиций у россиян, поскольку основная часть населения концентрируется в ней на средних позициях. Более того – она отличается и от модели со статусными позициями, положенными «по справедливости», поскольку, хотя наиболее популярной в ней является 5-я *сверху*, но медиана проходит по 5-ой *снизу* позиции. Таким образом, более половины населения страны находятся, по их ощущению, в нижней части статусной иерархии. Однако даже такое распределение позволяет говорить о том, что российское общество является сейчас «обществом массового субъективного среднего класса», хотя так было далеко не всегда.

За последние 20 лет неоднократно бывали ситуации, когда распространённость отнесения себя к средним слоям у россиян резко снижалась. Обычно это были периоды, когда уровень жизни населения не просто падал, а падал глубоко и резко, что влекло за собой массовую статусную фрустрацию с характерным для неё шлейфом негативных последствий. Именно в такие периоды доля считающих себя представителями средних слоёв резко сокращалась, снижаясь ниже 50%. Так было, например, после кризиса 1998–99 гг., когда большинство населения стало относить себя к «социальным низам», в том числе почти половина – даже к «социальному дну» (см. рис. 6).

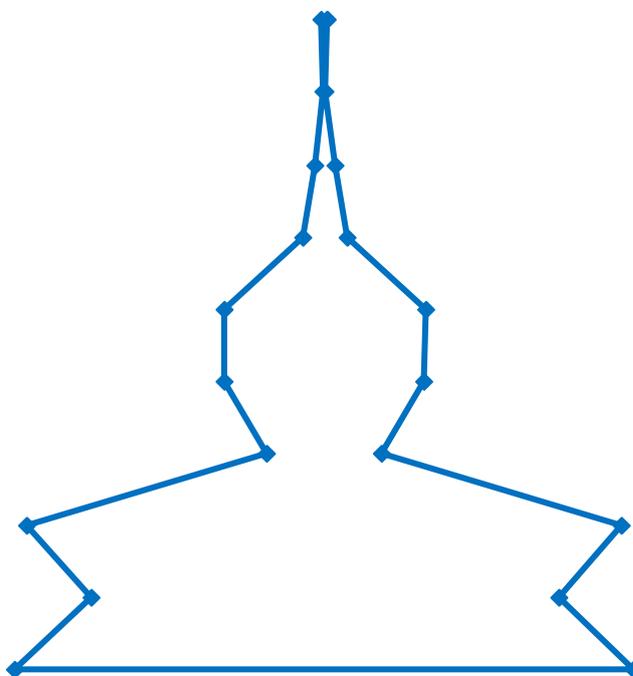

Рис. 6. Модель субъективной стратификации массовых слоёв российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 1999 г., %¹

¹ Данные общероссийского репрезентативного мониторингового исследования РНИСиНП (июнь 1999 г., N=1751). Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 0,2%; 2 – 0,1%; 3 – 0,8%; 4 – 1,8%; 5 – 8,3%; 6 – 8,2%; 7 – 4,7%; 8 – 24,4%; 9 – 19,2%; 10 (нижняя статусная позиция) – 25,4%.

Как видно на рис. 6, именно в тот сложный посткризисный период стало чрезвычайно наглядным также деление массовых слоёв российского общества на 4 крупные группы/страты, что впоследствии позволило при необходимости укрупнять используемую шкалу социальных статусов, объединяя две нижние и четыре верхние позиции в единые группы. Одна из этих крупных 4-х страт – «социальное дно», объединяющее представителей двух нижних «ступенек» на «социальной лестнице». Вторая – представители «низов», но всё же не «социального дна», поскольку типичным для этой группы является определение себя с точки зрения своего места в обществе на 3-ю снизу позицию. Третья страта – «субъективный средний класс», ставящий себя на 5–6 позиции. И, наконец, четвёртая – составляющий в массовых опросах считанные проценты верхний средний класс, представители которого ставят себя на верхние четыре позиции в статусной иерархии. Что касается тех, кто ставит себя на 4-ую снизу позицию, то их можно рассматривать как представителей трансграничной зоны между двумя очень массовыми в России социальными слоями – «социальные низы» и «средний класс».

То, что такое деление оправдано и «пороги» между основными стратами российского общества при его субъективной стратификации находятся именно в названных точках «социальной лестницы», хорошо видно и на данных таблицы 3: для четырёх верхних ступеней этой «лестницы» характерно доминирование самооценок своего места в обществе как хорошего. На средних (5–6) ступенях доля хороших его оценок в разы превышает долю плохих (присутствие которых в этой группе объясняется обычно завышенными социальными притязаниями), но в целом здесь доминируют удовлетворительные оценки своего статуса. На 4-ой снизу ступени «хорошие» оценки своего статуса встречаются уже с той же частотой, как и «плохие» его оценки. Наконец, для представителей трёх нижних ступеней «социальной лестницы» характерно многократное превышение численности оценивающих свой статус как плохой по сравнению с теми, кто оценивает его как хороший. Так же выглядела картина «порогов» оценок удовлетворённости своим статусом и 15 лет назад.

Таблица 3

Удовлетворённость своим местом в обществе у представителей разных позиций на «социальной лестнице», 2018 г., %*

Оценки своего статуса (места в обществе)	Ступени						Население в целом
	Верхние (1–4)	5	6	7	8	Нижние (9–10)	
Хороший	52,8	33,9	19,4	12,9	10,0	7,6	26,4
Удовлетворительный	42,7	62,3	73,9	76,8	69,7	72,5	65,1
Плохой	4,5	3,8	6,7	10,3	20,3	19,9	8,5

*Толубым фоном выделены показатели, превышающие 50%, зелёным – превышающие полярные самооценки своего статуса в разы.

Для представителей трёх нижних ступеней «социальной лестницы» характерно многократное превышение численности оценивающих свой статус как плохой по сравнению с теми, кто оценивает его как хороший. Так же выглядела картина «порогов» оценок удовлетворённости своим статусом и 15 лет назад.

При рассмотрении динамики самооценок россиян своего статуса прежде всего нужно отметить, что с началом выхода из кризиса 1998–99 гг. и приходом В. Путина к руководству страной эти самооценки заметно улучшились, причём позитивная динамика в этой области сохранилась и в последующие годы, даже несмотря на краткосрочное снижение в 2009 г. Сейчас удовлетворённость россиян своим статусом и сложившаяся модель субъективной стратификации не только выглядят вполне благополучными, но и, как показал кризис 2014–16 гг., остаются очень устойчивыми даже в ходе экономических кризисов. Все последние годы они демонстрируют принадлежность России к странам с доминированием субъективного среднего класса, и прежде всего – его нижнего сегмента. В то же время они очень далеки от запросов граждан к тем статусным позициям, которых они хотели бы достичь, и даже к тем, которые положены им «по справедливости». В этих условиях особенно важно понимать, чем, по мнению россиян, объясняется отнесение людей к тем или иным статусным позициям в современном российском обществе и насколько легитимны механизмы попадания на верхние статусные позиции.

Представления россиян о факторах успеха в современной России: динамический и кросс-национальный анализ

Говоря о факторах успеха и благополучия, связанных, по мнению россиян, с верхними и средними статусными позициями, прежде всего надо посмотреть, что же является для них теми жизненными целями, достижение которых и означает успех и благополучие в жизни. Отвлечёмся от таких аспектов этих целей, как хорошая семья, хорошие дети, надёжные друзья, чистая совесть и т. п., рассмотрим лишь те цели, которые связаны с занимаемыми в социальной иерархии статусными позициями: материальным благополучием, профессиональной карьерой, образованием и т. п. (см. рис. 7). Наиболее популярными среди них сейчас являются цели, связанные с материальным благополучием, но характеризующие, скорее, статусные позиции среднего класса, чем верхних слоёв населения. Это цели «хорошо зарабатывать» и «жить не хуже других». Отстают от них по распространённости, но всё же очень популярны цели «иметь интересную и престижную работу» или «получить хорошее образование».

С началом выхода из кризиса 1998–99 гг. и приходом В. Путина к руководству страной самооценки россиян своего статуса заметно улучшились, причём позитивная динамика в этой области сохранилась и в последующие годы, даже несмотря на краткосрочное снижение в 2009 г.

Наиболее популярными факторами успеха и благополучия сейчас являются цели, связанные с материальным благополучием, но характеризующие, скорее, статусные позиции среднего класса, чем верхних слоёв населения: «хорошо зарабатывать» и «жить не хуже других». Отстают от них по распространённости цели «иметь интересную и престижную работу» или «получить хорошее образование».

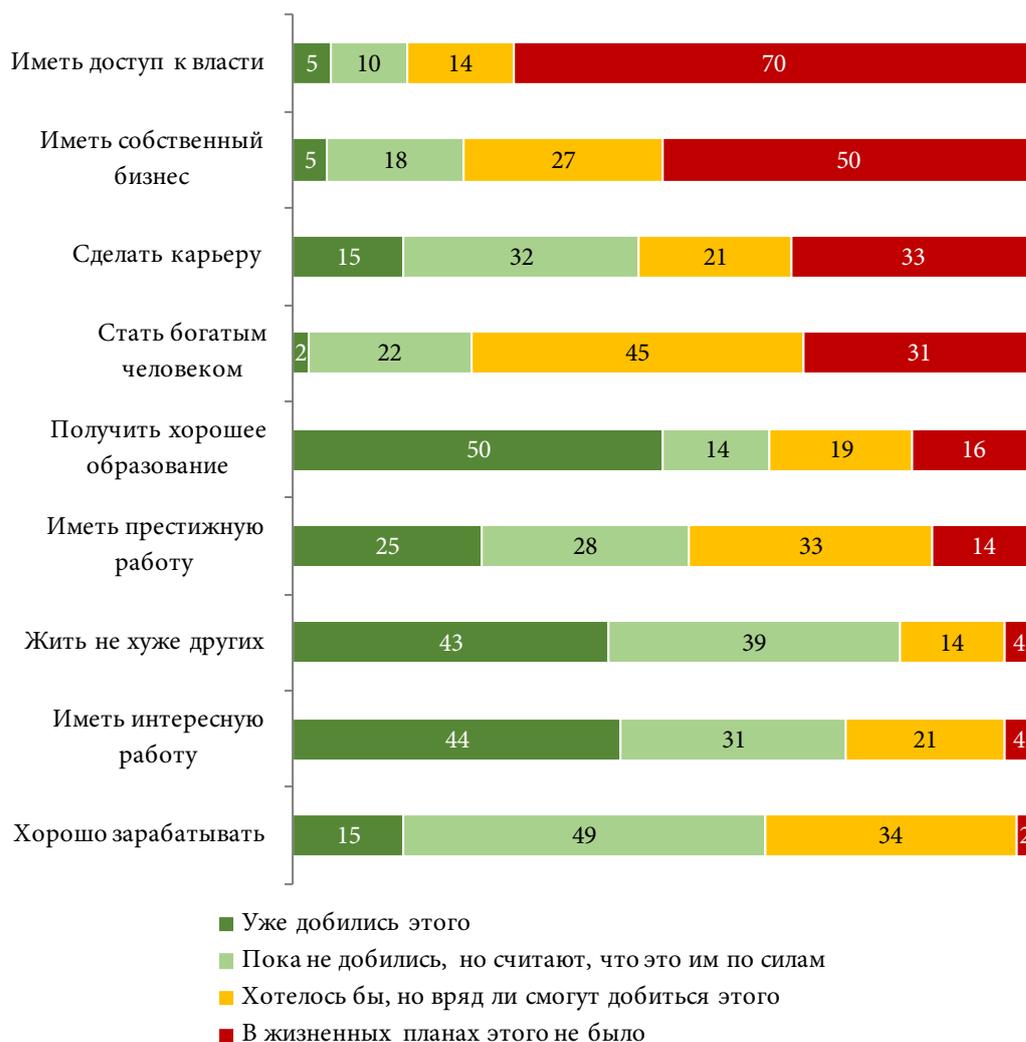

Рис. 7. Жизненные цели россиян и степень их достижения, 2018 г., % от работающих¹ (ранжировано по доле не стремившихся к соответствующим целям)

При таком понимании того, что в жизни важно и неважно, а, следовательно, и что может рассматриваться как признаки жизненного успеха и статусности занимаемых позиций в целом в общественном мнении, не удивительно, что главным маркером, определяющим статус человека в обществе, выступает для россиян их материальное благосостояние. При этом по мере роста благосостояния всё большую роль начинает играть также такой признак занимаемой статусной позиции, как «образ жизни», по сути дела тоже говорящий об уровне благосостояния, но характеризующий его под несколько иным углом зрения: если представители низкодородных слоёв среди критериев, на основе которых они определяют свой (обычно низкий) статус в обществе, чаще упоминают о материальном благосостоянии (как бы говоря:

¹ Поскольку неработающая молодёжь характеризуется завышенными ожиданиями от жизни, а пенсионеры, наоборот, уже не интересуются целями, связанными с какими-либо достижениями и социальной мобильностью, жизненные цели рассматривались применительно к работающим россиянам.

«мы ставим себя в общественной иерархии так низко потому, что у нас очень мало денег»), то представители высокодоходных слоёв чаще упоминают в этой роли свой образ жизни (как бы говоря: «мы ставим себя так высоко, так как можем себе позволить вести образ жизни, соответствующий благополучным слоям общества») (см. рис. 8).

Рис. 8. Динамика представлений россиян о том, чем они руководствуются, оценивая свой социальный статус, 2003–14 гг., %¹ (допускалось до трёх ответов)

Более того, если говорить о динамике самооценок россиян факторов своего социального статуса, то образ жизни стал играть за период с середины 2000-х до середины 2010-х гг. среди этих факторов заметно большую роль. Это хорошо объясняется в контексте теории культурной динамики, описывающей процесс перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения [Инглхарт, Вельцель 2011]. При этом ключевые для западных обществ факторы стратификации (образование, квалификация, престиж профессии) сохранили свой второстепенный характер, и эта закономерность прослеживается для всех слоёв населения, включая представителей верхних статусных позиций. Таким образом, судя по представлениям россиян о том, что определяет статус человека в современном российском обществе, «туннельный эффект» Хиршмана рабо-

¹ Используются данные общероссийских репрезентативных исследований: ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» и ИС РАН «Средний класс в современной России».

тает в нём довольно слабо, и статусные позиции человека мало связаны в глазах россиян со стремлением сделать карьеру или другими достижительными мотивациями.

Об этом же свидетельствует и анализ факторов, определяющих в глазах россиян возможность достижения успеха и материального благополучия (см. рис. 9) с несколько иной стороны и с использованием иного набора формулировок, отражающих ту же проблему.

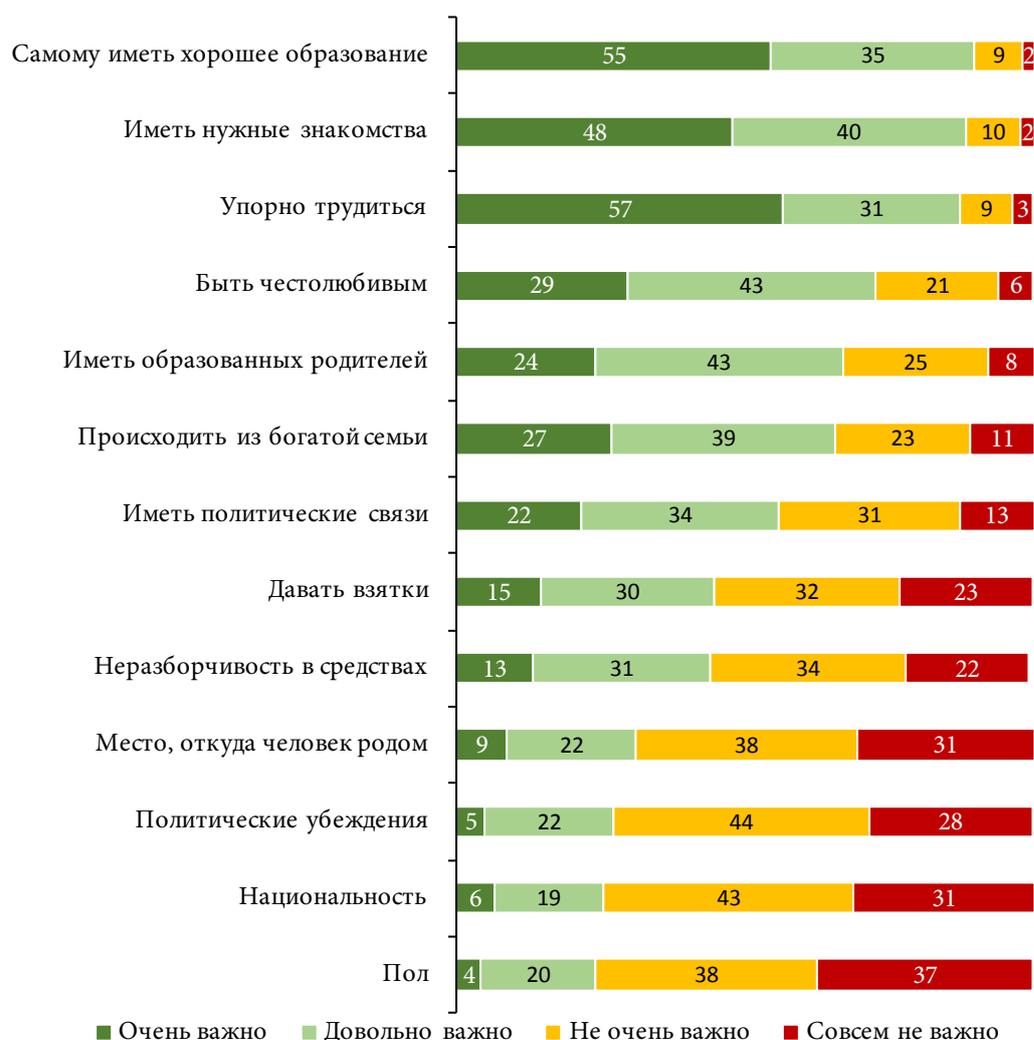

Рис. 9. Представления россиян о том, что помогает добиться благополучия и успеха в жизни в современном российском обществе, 2013 г., %^{1*}

*Затруднившиеся с ответом на рисунке не представлены, поэтому общая сумма ответов может быть менее 100%.

Как видим, хотя в глазах населения в числе качественных лидеров, обеспечивающих успех и благополучие в современном российском обществе, фигурируют наличие хорошего образования, упорный труд и стремление сделать карьеру, однако практически столь же популярны и такие пути достижения успеха, как наличие нужных знакомств или особен-

¹ Используются данные исследования ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» (подробнее см. [Бедность... 2014]).

ности социального происхождения, а с учётом политических связей именно социальный капитал выходит на первое место среди всех факторов успеха и благосостояния в современном российском обществе. Это качественно отличается от того, как россияне видят причины, которые должны были бы детерминировать неравенства в российском обществе [О чем мечтают... 2013; Мареева 2015; 2016].

Насколько устойчива такая картина и отличается ли она от ситуации в других странах? Как свидетельствуют данные исследования ISSP–2009, где использовалась почти такая же формулировка этого вопроса, как и в исследовании ИС РАН¹, в целом картина восприятия роли различных факторов в достижении успеха в России не уникальна. Например, она достаточно близка к ситуации в Германии, причём как в её Западных, так и Восточных землях² (см. рис. 10). Тем не менее, между Россией и другими развитыми странами, в частности Германией, есть и довольно существенные различия, усугубляющиеся с годами.

В восприятии населения Германии есть та же, что и в России, четвёрка факторов-лидеров, позволяющих добиться в жизни благополучия (хорошее образование, упорный труд, честолюбие и наличие нужных знакомств). При этом ответы населения Западных и Восточных земель Германии очень близки, что отражает общность не только их культуры, но и институциональных условий. В России же картина иная: относительно меньшую роль играют честолюбие человека, т. е. наличие у него выраженных достижительных установок, а также наличие образованных родителей и собственное хорошее образование. Это именно те показатели, которые обуславливают конкурентоспособность человека на рынке труда в современных обществах меритократического типа. Более того – в нашей стране эти факторы с годами играют всё меньшую роль. При этом в России относительно бóльшую роль в достижении успеха в жизни играют факторы, не связанные с рынком труда, – наличие политических связей и дача взяток. И хотя, судя по ответам населения, за последнее десятилетие роль этих факторов несколько сократилась, они по-прежнему остаются в нашей стране куда более значимыми, чем в Западных и Восточных землях Германии. Относительно важнее в России и наличие богатых родителей: по значимости этот фактор устойчиво обгоняет в нашей

¹ Различия заключались в том, что в опросе ИС РАН 2013 г. присутствовали также такие позиции, как место, откуда человек родом, его политические убеждения и неразборчивость в средствах, а варианты ответов «довольно важно» и «скорее важно» были объединены в одну позицию «довольно важно».

² Рассмотрение их в отдельности позволяло учесть как культурные, так и институциональные факторы, влияющие на факторы достижения успеха и благополучия в жизни.

стране уровень образованности родителей («культурный капитал» в терминологии П. Бурдье), в то время как в Германии об образованности родителей вспоминают в контексте факторов жизненного успеха человека вдвое чаще, чем об их благосостоянии. Наконец, в России относительно небольшую и с годами всё уменьшающуюся роль играет в достижении успеха упорный труд.

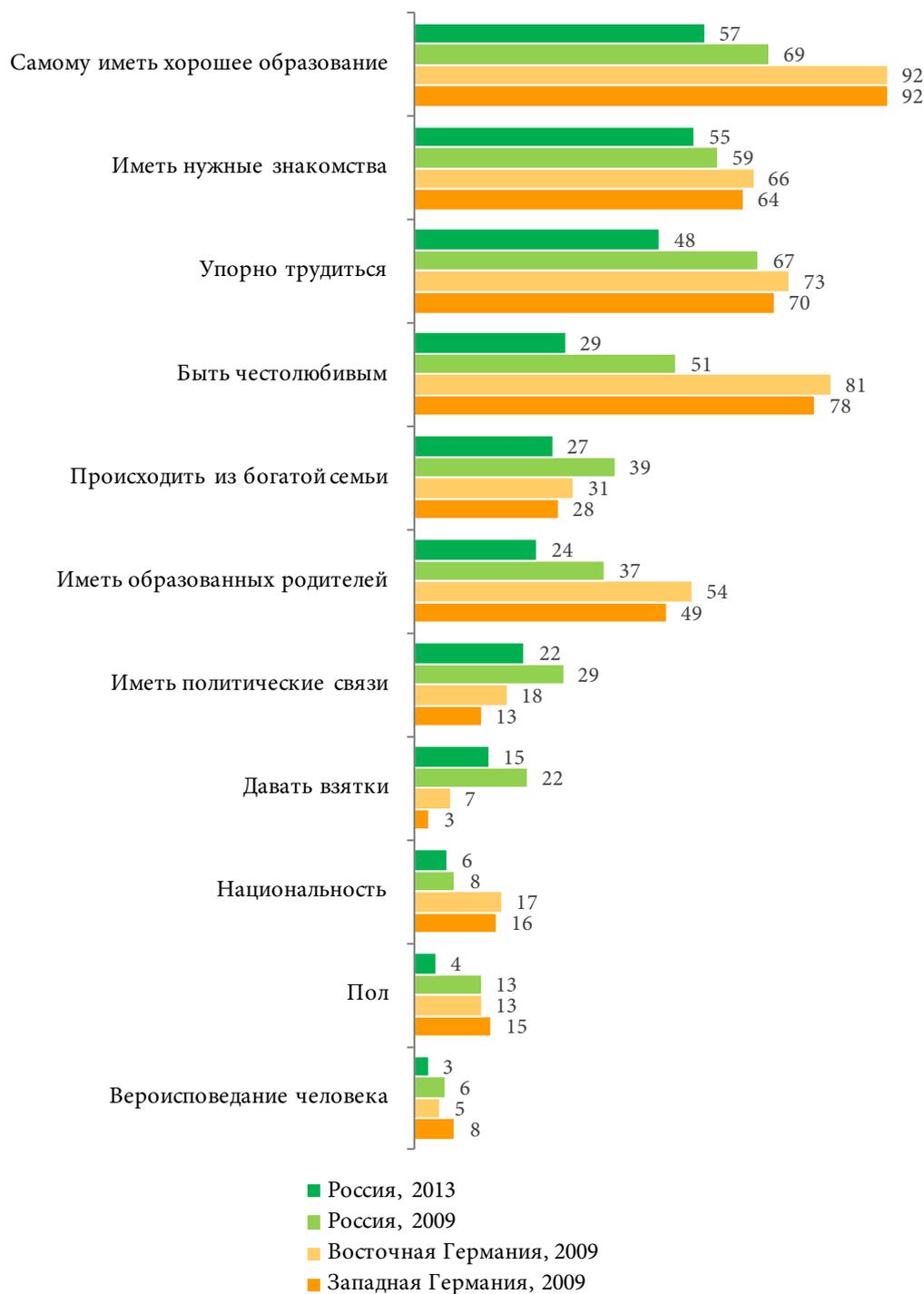

Рис. 10. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, *очень важно* для того, чтобы добиться успеха и благополучия в жизни, 2009–13 гг., %

В этой разнице хорошо видны различия институциональных условий, существующих в Германии и России, тех внешних «рамоч», в которых действуют люди. В Германии

среда более конкурентна, что определяет значимость человеческого и культурного капиталов в достижении успеха и благосостояния в жизни, а в России огромную роль в их достижении играют связи человека и даваемые им взятки. Успех человека в таких условиях – зачастую уже не его личная заслуга.

Эти выводы подтверждаются также, если посмотреть на проблему факторов успеха и благосостояния с другой стороны – что совсем не важно для того, чтобы добиться благополучного положения в жизни (см. рис. 11).

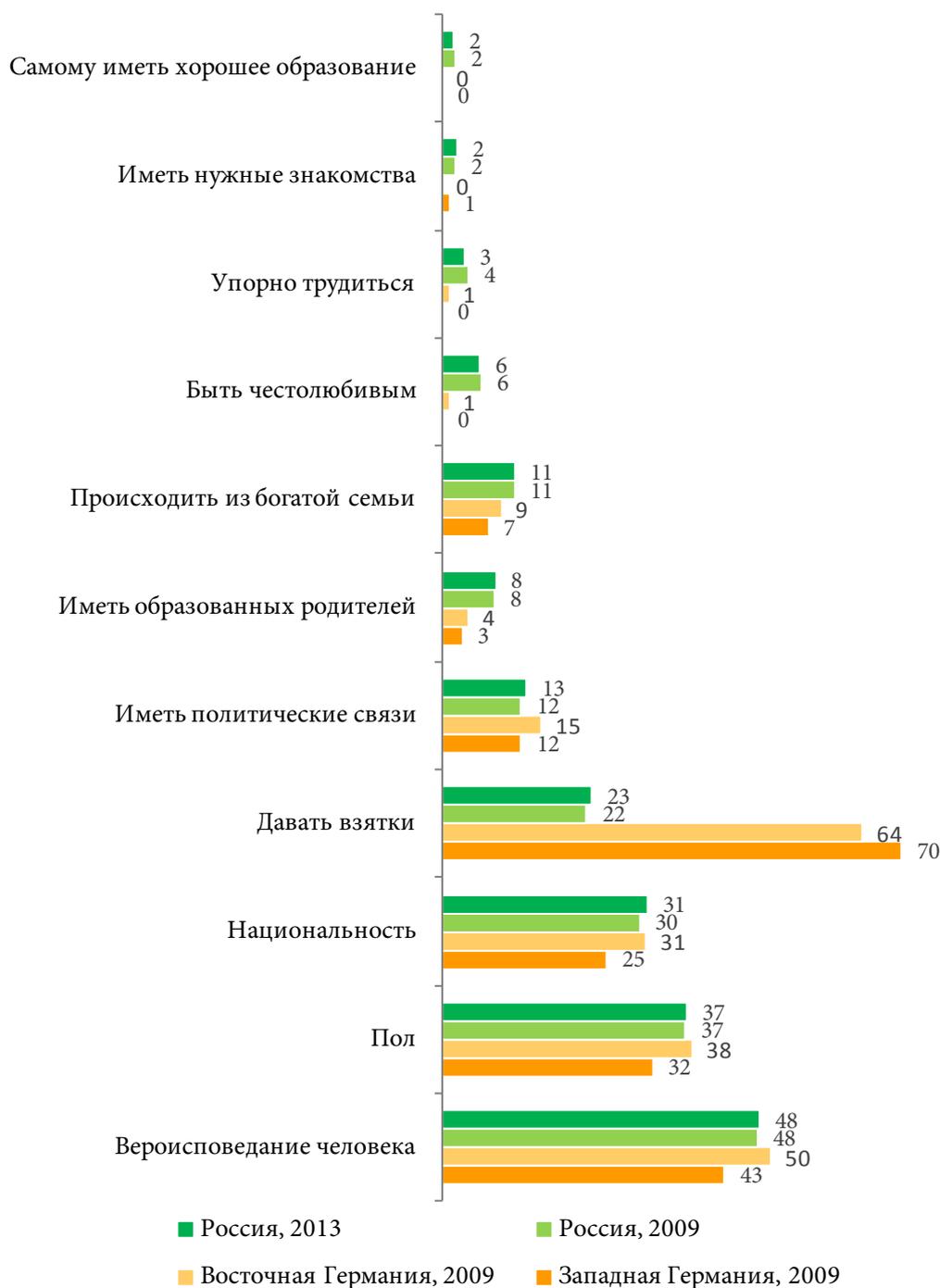

Рис. 11. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, совсем не важно для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, 2009–13 гг., %¹

¹ На рисунке не представлены ответившие «очень важно», «довольно важно», «скорее важно» и «не очень важно».

Как видим, есть лишь один фактор, демонстрирующий очень большие разрывы в показателях между Россией и Германией – это дача взяток. Если в Западной Германии 30,0%, а в Восточной – 36,1% населения убеждены, что дача взяток в той или иной степени важна для того, чтобы добиться в жизни благополучного положения, то в России таковых почти три четверти, т. е. безусловное большинство. Этот факт сам по себе многое говорит и о типе сложившегося в России общества, и о возможностях и путях социальной мобильности в нём.

Интересно также, что в вопросе о том, что совсем не важно для достижения успеха в жизни, жители Восточных земель Германии подчас ближе к россиянам, чем к жителям Западных земель, хотя в тех вопросах, по которым россияне наиболее заметно отличались от немцев в целом (дача взяток, наличие политических связей и наличие богатых родителей как факторов жизненного успеха), они при оценке наиболее важных факторов успеха тяготели скорее к западным немцам. Это говорит о том, что в Восточных землях Германии ещё не все институциональные проблемы решены столь же успешно, как в Западных, однако они решаются несопоставимо эффективнее, чем в России.

Более того, если рассмотреть факторы успеха в Германии и России с помощью факторного анализа, то становится ещё нагляднее, что восточные немцы живут в той же не только формальной, но и неформальной институциональной среде, что и западные. И в этом их принципиальное отличие от россиян, поскольку в России те же самые факторы имеют по сути своей подчас совсем другой смысл. Так, во всех трёх выборках при факторном анализе выделились по три укрупнённых группы факторов успеха¹. Одна из этих групп факторов отражала **собственные усилия человека** в достижении успеха и объединяла такие факторы, как собственное образование, упорный труд и честолюбие. Этот набор был общим в обеих странах. Вторая группа факторов, которые с определённой долей условности можно назвать **второстепенные вне рыночные факторы успеха**, в обеих странах объединяла такие признаки, как национальность, вероисповедание и пол. Наконец, третья группа факторов (**унаследованный от родителей капитал**) в обеих странах включала богатых родителей, образованность родителей и наличие нужных знакомств, т. е. приобретённый в силу происхождения экономический, культурный и социальный капитал. Об этом же говорят и данные других исследований [Бедность... 2014: 134–137]. Однако при этом в Германии (как Восточной, так и Западной) взятки и политические связи оказывались в составе вне рыночных факторов успеха, что

¹ Процент объясненной дисперсии для Западной Германии – 54,362, для Восточной – 60,638, для России – 60,588.

подчёркивает их периферийность по отношению к двум другим группам факторов, играющих ключевую роль в достижении успеха. В России же взятки и политические связи не только играют гораздо бóльшую роль для достижения успеха, чем в Германии, но и имеют другую природу – они попадают в группу унаследованного от родителей капитала и выступают, с одной стороны, разновидностью полученного от них социального капитала, а с другой – производной от их экономических возможностей. Вряд ли по этому поводу нужны какие-то дополнительные комментарии.

Факторы субъективного статуса в современной России: результаты статистического анализа

Выше были рассмотрены факторы достижения успеха в восприятии россиян. Главные выводы заключаются в том, что российское общество становится в общественном сознании всё менее меритократическим и всё бóльшую относительную роль в достижении успеха играют в нём, по мнению россиян, родительский капитал (в том числе социальный) и взятки. Насколько эти выводы подтверждаются анализом объективно существующих связей между достижением определённых статусных позиций и различными характеристиками людей?

Как показал наш анализ, среди переменных, имевших наиболее тесные корреляционные связи с самооценкой социального статуса, в порядке убывания значимости¹ двадцать лет назад шли «душевой доход», «заработная плата», самооценки соотношения материального положения самого респондента и уровня благосостояния окружающих его людей, динамика изменения его материального положения и т. д. [Тихонова 1999]. Таким образом, это были те особенности жизни россиян, которые прямо или косвенно отражали их уровень благосостояния. Однако, кроме этих характеристик, в числе статистически значимых были тогда и другие переменные, а главным фактором стратификации в России конца 1990-х гг. являлась работа в государственном или частном секторах экономики. Действие же остальных факторов было связано с тем, как они влияли на возможность занятости в частном секторе. Исключение составляли только должность (для тех, кто относился к руководителям первого уровня в госсекторе), наличие постоянной вторичной занятости, свидетельствовавшей о востребованности человека в новых условиях, а также отсутствие полной стабильной занятости (для тех, кто был её лишён) [Тихонова 1999].

¹ Для оценки показателей статистических связей использовался метод Tree Select в подпрограмме Chaid программы SPSS.

Спустя 15 лет сравнительный набор и соподчинённость этих факторов заметно изменилась. На первом месте оказался статус родительской семьи, который обогнал даже признаки материального благосостояния [Тихонова 2014а; Тихонова 2014b]. В современной России это свидетельствует о тенденции межпоколенческой консервации статусов, действие которой продолжается и сейчас (см. таблицу 4). Тесно связан с самооценками своего социального статуса и уровень образования родителей россиян. При этом чем выше статусное положение человека, тем большее значение имеют для него показатели, относящиеся к родительской семье, что также говорит об усилении тенденции социального воспроизводства и закрытости верхних массовых слоёв населения.

Таблица 4

Соотношение положения в обществе родительской семьи и собственного места в обществе на десятибалльной шкале социальных статусов по самооценкам россиян, 2018 г., %

Оценки статусных позиций	Собственные позиции					
	Верхние 1–4 ступени	5 ступень	6 ступень	7 ступень	8 ступень	Нижние 9–10 ступени
Верхние (1–4) ступени	52	18	16	12	13	15
5 ступень	21	45	19	17	19	22
6 ступень	12	15	23	18	10	10
7 ступень	8	12	22	28	13	13
8 ступень	5	6	15	19	32	10
Нижние (9–10) ступени	2	3	4	7	13	30

При покогортном анализе видно, что у молодых россиян (до 30 лет включительно) фиксируются максимальные показатели воспроизводящих социальный статус своих родителей, и особенно – у ставящих себя на верхние четыре ступеньки «лестницы социальных статусов»: 59,7% в этой группе относят к «верхам» и своих родителей. Это ещё одно свидетельство развития в нашей стране тенденции всё большего самовоспроизводства верхней части массовых слоёв населения. С другой стороны, именно у молодёжи в последние годы также максимальна доля относящих одновременно и себя, и своих родителей к «низам» общества, т. е. «низы» начали характеризоваться повышенными показателями самовоспроизводства. Кроме того, процессы социальной поляризации в ходе межпоколенческого воспроизводства захватили сильнее всего именно молодёжь. При этом в целом по населению доли характеризовавшихся в ходе межпоколенческого воспроизводства повышающим и понижающим её трендами в настоящее время примерно равны между собой.

Покогортный анализ показал, что у молодых россиян фиксируются максимальные показатели воспроизводящих социальный статус своих родителей, и особенно – у ставящих себя на верхние четыре ступеньки «лестницы социальных статусов». Это свидетельство развития тенденции всё большего самовоспроизводства верхней части массовых слоёв населения.

Таким образом, изменение сравнительной роли различных факторов, определяющих субъективный статус человека, как и характер социальной динамики, говорят о том, что «социальные лифты» в российском обществе постепенно перестают работать. Это неизбежно будет вести к делегитимизации существующих в современной России неравенств в общественном сознании, первые свидетельства чего уже видны [Мареева 2015; 2016].

Тот факт, что в конце 1990-х гг. водораздел в формирующейся социальной структуре нового российского общества проходил не столько по признакам социально-профессионального или квалификационного характера, сколько по степени включённости в новые экономические отношения и структуры, а в конце 2010-х гг. на первый план вышло происхождение человека, означает, что сформировавшееся по итогам трёх десятилетий реформ российское общество имеет отчётливо немеритократический вектор развития. Разумеется, это не значит, что образование россиян и другие характеристики их человеческого и культурного капитала сейчас вообще не важны, однако они стали в гораздо большей степени опосредоваться фактором их происхождения, чем это было 15–20 лет назад. И если в конце 1990-х гг. любой, кто по своим личным качествам мог пойти на работу в частном секторе, выигрывал уже в силу этого (т. е. рынок как бы сертифицировал качество его рабочей силы, и человек получал за счёт этого дополнительные монетарные и немонетарные ренты), то сейчас, независимо от сектора занятости, доступ к качественным рабочим местам и в экономике в целом, и в частном секторе получают прежде всего выходцы из наиболее статусных и высокообразованных семей.

Это, естественно, повлияло и на снижение роли социально-психологических характеристик человека для занятия им определённой статусной позиции, имевших большое значение в конце 1990-х гг. Даже наличие достижительных мотиваций (стремление иметь интересную и престижную работу, хорошо зарабатывать и т. п.) или тип локус-контроля по своей роли для занятия определённого места в стратификационной иерархии стали в разы отставать от статуса родительской семьи. В то же время нельзя не отметить, что тип локус-контроля у наиболее благополучной части россиян (верхние 17,9%, занимающие 1–4 статусные позиции на «лестнице социальных статусов») и наиболее неблагополучной части населения (нижние 6,3%, занимающие на ней 9–10 статусные позиции) и сейчас всё ещё диаметрально противоположен – если у первых безусловно доминирует внутренний локус-контроль (67,5% их считают, что «человек сам кузнец своего счастья; успех и неудачи – всё в его руках»), то у вторых – внешний (67,7% убеждены, что «жизнь человека в гораздо большей

степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями»). Это значит, что если для первых жизнь в современной России предоставляет определённые «развилки выбора», позволяющие людям ощущать себя творцами своей судьбы, то вторые в массе своей лишены этих возможностей и чувствуют себя неспособными управлять собой и собственным будущим.

Гораздо менее значимы, чем в 1990-х гг., в числе факторов субъективной стратификации в 2018 г. оказались «регион проживания» или «тип поселения» – видимо, внутри каждого из них сформировались свои достаточно устойчивые локальные субструктуры, в рамках которых человек и определяет свой статус. Низкие показатели статистической значимости¹ демонстрирует также гендерная принадлежность. При этом для отдельных статусных групп она всё-таки сохранила свою значимость. Однако если в 1990-х гг. пол имел значение в основном для занятия верхних 4-х позиций, где доминировали мужчины, хотя на всех остальных ступенях социальной лестницы доминировали в тот период женщины, то в 2000-е гг. наблюдалось сокращение значимости роли гендерных характеристик для занятия верхних статусных позиций, и теперь верхние позиции характеризуются практически одинаковой представленностью на них мужчин и женщин (см. рис. 12). В отношении же остальных статусных позиций действует принцип «чем ниже, тем выше доля женщин», причём на самых нижних позициях доля женщин превышает 60%.

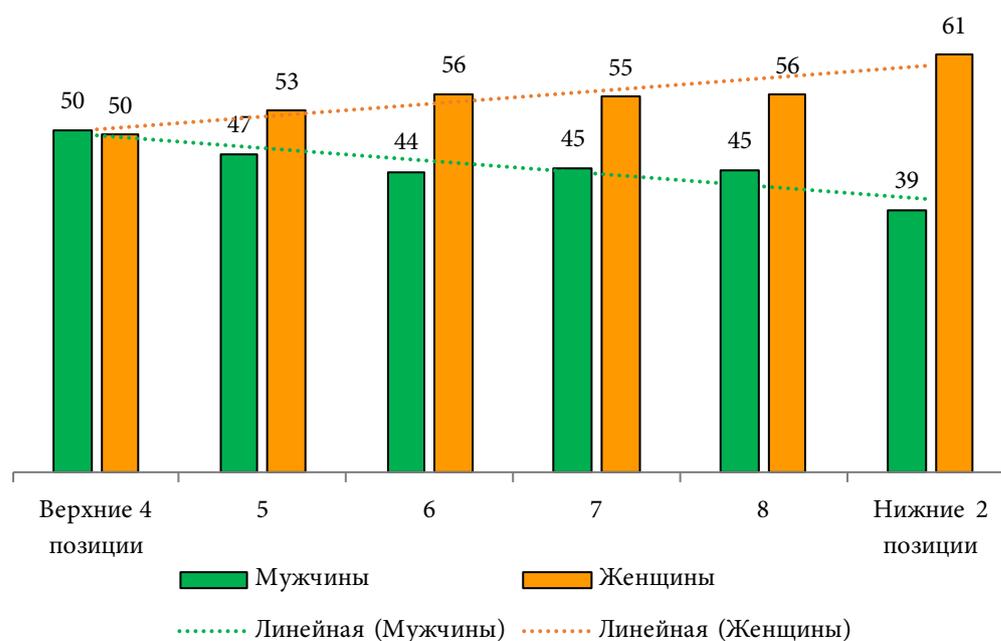

Рис. 12. Доля мужчин и женщин на разных позициях субъективной статусной иерархии, 2018 г., %

¹ Коэффициент Спирмена – 0,050. Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Возраст, который в конце 1990-х гг. демонстрировал очень высокие значения статистической значимости для субъективного определения своего статуса, т. к. прямо влиял на адаптивные возможности человека и шансы попасть на работу в частном секторе, затем начал постепенно сдавать свои позиции, хотя и сейчас относительно более значим, чем пол¹. Однако, хотя возраст и не выступает сейчас столь жёстким «блокиратором» попадания на верхние статусные позиции, как в 1990-е или 2000-е гг., и даже в начале 2010-х гг. (в возрастной когорте 51–60 лет, например, на верхние четыре ступени «социальной лестницы» ставили себя в 2018 г. 11,2% при 8,0% в 2013 г. и 5,3% в 1998 г.), всё же возрастная структура представителей разных статусных позиций и сейчас различается довольно заметно (см. рис. 13).

Рис. 13. Доля представителей различных возрастных когорт в составе групп с разными оценками своих позиций в статусной иерархии, 2018 г., %

Отнесение себя многими представителями старших возрастов на нижние статусные позиции связано при этом, видимо, не столько даже с их возрастом как таковым, сколько с состоянием здоровья, влияющим на их позиции на рынке труда и жизненные возможности в целом. Во всяком случае, именно субъективное восприятие своего здоровья как хорошего, удовлетворительного или плохого является наиболее значимым фактором субъективной стратификации среди всех аскриптивных признаков человека в современной России. И хотя роль этого фактора постепенно уменьшается (сейчас коэффициент Спирмена для связи его с самооценками места в стратификационной иерархии составляет 0,279 вместо 0,406 в 2013 г.), он всё ещё очень значим. При

¹ Коэффициент Спирмена – 0,169. Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

плохом здоровье вероятность оказаться на нижних трёх ступенях «социальной лестницы» в современной России для человека всё ещё очень высока (39,8% при 7,4% для имеющих хорошее здоровье), хотя и заметно снизилась в последние годы – в 2013 г. она составляла 60,0%. Что же касается тех, кто имеет хорошее здоровье, то среди них 60,9% (что заметно больше, чем в 2013 г., когда этот показатель составлял 45,1%) отнесли себя весной 2018 г. к верхней половине «лестницы социальных статусов» (см. рис. 14).

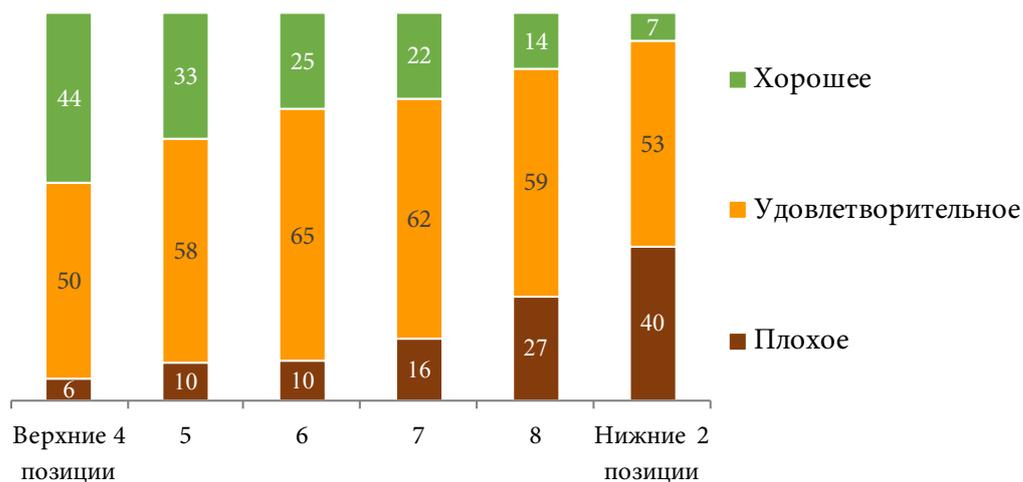

Рис. 14. Доля людей с различными самооценками своего здоровья на разных позициях субъективной статусной иерархии, 2018 г., %

Итак, факторы, объективно значимые для самооценок россиян собственного статуса, за десятилетия интенсивной трансформации российского общества качественно изменились, и всё большую роль стало играть социальное происхождение. Это говорит о том, что, во-первых, социальная структура России становится всё более «закрытой», а основания для занятия верхних статусных позиций в ней всё меньше согласуются с меритократическими принципами и представлениями россиян о социальной справедливости, а во-вторых, изменения в представлениях населения страны о факторах достижения жизненного успеха и высокого социального статуса имеют бесспорные объективные основания.

Выводы

Наряду с объективно существующими моделями стратификации общества большое значение для принятия решений в рамках государственной социальной политики имеет субъективная стратификация населения. Для понимания ситуации в этой области важен не только анализ самооценок людей своего статуса в обществе, но и соотношение этих оценок с их статусными притязаниями, т. е. с их представлениями

Социальная структура России становится всё более «закрытой», а основания для занятия верхних статусных позиций в ней всё меньше согласуются с меритократическими принципами и представлениями россиян о социальной справедливости. Изменения в представлениях населения о факторах достижения высокого социального статуса имеют бесспорные объективные основания.

о желаемом и справедливом для них статусе. Учёт этих притязаний, а также степени удовлетворённости населения своим социальным статусом необходим для обеспечения социально-политической стабильности общества и оценки легитимности власти в глазах населения.

Как свидетельствуют эмпирические данные, за последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство россиян перестало считать себя социальными аутсайдерами. Более того – само российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса. При этом поскольку главным маркером, определяющим их статус в обществе, выступает для россиян материальное благосостояние, то, хотя российское общество было и остаётся обществом смещённых вниз статусных позиций, по мере роста уровня благосостояния населения в 2000-х гг. самоощущение россиян относительно своего статуса в обществе качественно улучшилось. Однако это не означает полной удовлетворённости сложившейся в стране ситуацией в области стратификации, поскольку, по мнению россиян, их реальный статус сейчас существенно отличается не только от желаемого, но и от тех статусных позиций, которые они должны были бы занимать «по справедливости».

Неудовлетворённость населения своим местом в стратификационной иерархии российского общества связана прежде всего с недовольством своим материальным положением, поскольку возможности «жить не хуже других» и «хорошо зарабатывать» входят в число наиболее распространённых среди россиян жизненных целей. При этом возможность достичь этих целей население нашей страны связывает не только с хорошим образованием и упорным трудом, но и с экономическим, культурным и социальным капиталом родительской семьи, а также с разного рода неправовыми практиками (взятки, неразборчивость в средствах и т. д.).

Эти представления устойчивы во времени и во многом напоминают представления населения экономически развитой и демократической Германии. Однако они имеют и два очень характерных отличия. Во-первых, для россиян разного рода неправовые практики, и прежде всего взятки, играют в достижении жизненного успеха несопоставимо большую роль. А во-вторых, в России относительно меньшую (и убывающую с годами) роль играют культурный капитал родительской семьи, собственное хорошее образование, упорный труд и честолюбивые стремления человека. Это означает, что общественное сознание с годами всё больше воспринимает российское общество как такое, где личные усилия и стремления человека всё меньше значат для достижения жизненного успеха и занятия высоких статусных позиций.

За последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство россиян перестало считать себя социальными аутсайдерами.

И действительно, как свидетельствуют субъективные оценки и объективные данные, в современной России происходит всё большее закрытие верхних слоёв населения. При этом идёт поляризация не просто населения, а прежде всего молодёжи. Очень высокие показатели самовоспроизводства полярных групп, а также растущая поляризация молодёжи – довольно опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, которые неизбежно приведут к делегитимизации существующего в России общества в глазах населения страны. Более того – они сыграют негативную роль и в экономическом развитии нашей страны, поскольку будут демотивировать людей в стремлении достичь успеха собственными усилиями, способствуя скорее развитию у них патерналистских ожиданий. Всё это является важными особенностями тех рамочных условий, которые будут предопределять развитие российского общества в среднесрочной перспективе.

Библиографический список

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

Бурдые П. 1993. Социология политики (глава «Социальное пространство и генезис классов»). М.: Socio-Logos. 336 с.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 1997. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение // Социологические исследования. № 9. С. 28–41.

Гудков Л. 1999. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 39–47.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Косова Л. Б. 2014. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3–4. С. 118–127.

Мареева С. В. 2015. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of Institutional Studies. Т. 7. № 2. С. 109–119.

Мареева С. В. 2016. Справедливость и равенство в мечтах россиян и реалии современной России // «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, П. М. Козырева, Ли Пей Линь. М.: Новый хронограф. С. 152–174.

Модель доходной стратификации российского общества: состояние, динамика, факторы. 2018 / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Новый хронограф. 368 с.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004. 259 с.

Средний класс в современном российском обществе / Под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой, А. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 1999. 247 с.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. 368 с.

Тихонова Н. Е. 1999. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН. 318 с.

Тихонова Н. Е. 2007. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН. 320 с.

Тихонова Н. Е. 2014а. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Ин-т социологии РАН. 408 с.

Тихонова Н. Е. 2014б. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. № 10. С. 23–35.

Черныш М. Ф. 2013. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социологические исследования. № 8. С. 42–53.

Шкаратан О. И. 2009. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп». 560 с.

Alesina A., Giuliano P. 2011. Preferences for Redistribution // Handbook of Social Economics. Vol. 1. P. 93–131.

Benabou R., Ok E. 2001. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 116. № 2. P. 447–487.

Corneo G., Gruner H. 2002. Individual Preferences for Political Redistribution // Journal of Public Economics. Vol. 83. № 1. P. 83–107.

Hirschman A., Rothschild M. 1973. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development / *Quarterly Journal of Economics*. № 87. P. 544–566.

Giddens A. 1984. *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press. 402 p.

Kenworthy L., McCall L. 2008. Inequality, Public Opinion and Redistribution // *Socio-Economic Review*. Vol. 6. № 1. P. 35–68.

Kohn M. L., Schooler C. 1983. *Work and Personality. An inquiry into the impact of Social Stratification*. Norwood: Ablex Pub. Corp. 389 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536

Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russian

Tikhonova Natalia Evgenyevna

Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute for Social Policy, National Research University Higher school of economics; Main Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: netichon@rambler.ru

Abstract. This article reveals that, during the last 15 years, drastic shifts have occurred in the subjective social structure of Russian society: the people for the most part no longer consider themselves to be “social outsiders”, while Russian society itself has become a society undoubtedly dominated by a subjective middle-class, albeit predominantly a lower middle-class. However, such a positive shift does not equal Russians being completely satisfied with the situation at hand when it comes to stratification, since their actual position in the status hierarchy is currently much lower not only than desired, but also lower than those status positions which they reckon they should be occupying in this hierarchy “in all fairness”. Russian people’s dissatisfaction is mostly a result of them considering opportunities for success and prosperity to be associated with the social, economic and cultural capital of one’s parents, as well as with various unlawful practices (such as corruption, bribery), not only with one’s hard work or quality education. These views seem to be stable over time, and to some extent they are similar to the views of German people. However, in the eyes of Russians various unlawful practices (primarily bribery) play a greater role when it comes to achieving success in life. In addition to that, one’s parents’ education, as well as one’s own education, hard work and ambition play a slightly less significant role (which is decreasing year after year) in Russia. This means that, as time passes, more Russian people are becoming convinced that a person’s personal efforts and goals are not a key factor in achieving life success and high status positions in Russian society. Statistical verification indicates that these views are objectively justified, since, according to the former, upper strata of Russian society are becoming increasingly more closed, with lower strata starting to close as well. High indexes of self-reproduction of opposing status groups within mass layers of the population, together with an increasing polarization of the population (primarily young people) – these are all dangerous tendencies in terms of their socio-political and economic consequences, which lead to authorities being delegitimized, as well as Russian people losing their motivation to achieve success in life through their own efforts.

Keywords: social structure, subjective stratification, status, status hierarchy, inequality, public consciousness, public opinion

References

Alesina A., Giuliano P. Preferences for Redistribution. *Handbook of Social Economics*, 2011, vol. 1, pp. 93–131.

Bednost’ i bednye v sovremennoy Rossii [Poverty and the poor in modern Russia]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ mir, 2014. 304 p.

- Benabou R., Ok E. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, vol. 116, no 2, pp. 447–487.
- Bogomolova T. Y., Tapilina V. S. Economicheskaja stratifikacija: ob`ektivnoe i sub`ektivnoe izmerenie [Economic stratification: an objective and subjective dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997, no 9. pp. 28–41.
- Bourdieu P. *Sociologija politiki* [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos, 1993. 336 p.
- Chernysh M. F. Transmissija kul`turnogo kapitala i social'naja mobil'nost' [Transmitting cultural capital and social mobility]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, no 8, pp. 42–53.
- Corneo G., Gruner H. Individual Preferences for Political Redistribution. *Journal of Public Economics*, 2002, vol. 83, no 1, pp. 83–107.
- Giddens A. *The Constitution of Society*. Cambridge, Polity Press, 1984. 402 p.
- Gudkov L. Rossija v riadu drugih stran: k probleme nacional'noy identichnosti [Russia among other countries: the problem of national identity]. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1999, no 1, pp. 39–47.
- Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development. *Quarterly Journal of Economics*, 1973, no 87, pp. 544–566.
- Inglehart R., Velcel K. Modernizacija, kul`turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.
- Kenworthy L., McCall L. Inequality, Public Opinion and Redistribution. *Socio-Economic Review*, 2008, vol. 6, no 1, pp. 35–68.
- Kohn M. L., Schooler C. *Work and Personality. An inquiry into the impact of Social Stratification*. Norwood, Ablex publ. corp., 1983. 389 p.
- Kosova L. B. Osnovaniya uspeha: rezul'taty sravnitel'nogo analiza ocenok sub`ektivnogo statusa [Grounds for success: the results of a comparative analysis of subjective status assessments]. *Vestnik obschestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2014, no. 3–4. pp. 118–127.
- Mareeva S. V. Spravedlivost' i neravenstvo v obschestvennom soznanii rossijan [Justice and inequality in the public consciousness of Russians]. *Journal of Institutional Studies*, 2015, vol. 7, no 2, pp. 109–119.
- Mareeva S. V. Spravedlivost' i ravenstvo v mechtah rossijan i realii sovremennoj Rossii [Equity and equality in the dreams of Russians and the realities of modern Russia]. "Ideal'noe obschestvo" v mechtah liudey v Rossii i v Kitae. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova, P. M. Kozyreva, Li Pey Lin'. Moscow, Novy Khronograf, 2016, pp. 152–174.
- Model' dohodnoj stratifikacii rossijskogo obschestva: sostojanie, dinamika, factory [Model of income stratification of Russian society: state, dynamics, factors]. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, Novy khronograf, 2018. 368 p.
- O chiom mechtajut rossijane: ideal i real'nost' [What do Russians dream of: the ideal and reality]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2013. 400 p.
- Rossija – novaja social'naja real'nost'. Bogatye. Bednye. Srednij klass [Russia is a new social reality. Rich. Poor. Middle class]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Nauka, 2004. 259 p.
- Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga piataja [Russian society and the challenges of time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Vol. 5. Moscow, Ves' Mir, 2017. 427 p.
- Shkaratan O. I. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow, Olma Media Group, 2009. 560 p.
- Srednij klass v sovremennom rossijskom obschestve [The middle class in contemporary Russian society]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova, A. J. Chepurenko. Moscow, ROSSPEN, 1999. 247 p.

Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnih issledovaniy [The middle class in modern Russia. Experience of many years of research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2016. 368 p.

Tikhonova N. E. Faktory social'noy stratifikatsii v usloviyah perehoda k rynochnoy ekonomike [Factors of social stratification in the transition to a market economy]. Moscow, ROSSPEN, 1999. 220 p.

Tikhonova N. E. Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti [Factors of stratification in modern Russia: dynamics of comparative significance]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2014, no 10, pp. 23–35.

Tikhonova N. E. Social'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza [Social stratification in modern Russia: the experience of empirical analysis]. Moscow, IS RAS publ., 2007. 320 p.

Tikhonova N. E. Social'naya struktura Rossii: teorii i real'nost' [The social structure of Russia: theories and reality]. Moscow, Novy Khronograf, IS RAS publ., 2014. 408 p.